

НЕКРОЛОГЪ.

13 Юня настоящаго года, въ Густынскомъ Троицкомъ монастырѣ, Полтавской епархіи, скончался послѣ продолжительной болѣзни, архимандритъ. Паисій. Покойный былъ уроженецъ Воронежской губерніи, и воспитывался въ Воронежской семинаріи; поэтому неизли-

шнимъ кажется сообщитъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ этомъ достопочтенномъ старцѣ.

Архимандритъ Паисій, въ мѣрѣ Петръ Лукичъ Понятовскій, родился въ Октябрѣ 1800 года въ слободѣ Мокашевкѣ Новохоперскаго уѣзда, отъ діакона Луки Михайлова, который потомъ долгое время былъ священникомъ въ сосѣднемъ селѣ Губаряхъ, и оставилъ по себѣ добрую память, какъ ревностный и попечительный пастырь. Петръ Лукичъ приведенъ сюда еще въ малолѣтствѣ; здѣсь получилъ онъ первоначальное домашнее воспитаніе, здѣсь выросе и созрѣлъ для школы: а потому Губари всегда онъ помнилъ и почиталъ не менѣе, какъ мѣсто своей родины. Къ нимъ не рѣдко прилагалъ онъ, съ сердечнымъ участіемъ, изреченіе Цицерона: и дымъ отечества сладокъ. Отецъ его хотя самъ нигдѣ не обучался въ школѣ, но будучи отъ природы необычайно любознательнъ, уменъ и начитанъ, желалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, дѣти его были образованы, и съ этою цѣлію началъ готовить своего сына—первенца къ поступленію въ какое либо училище. Къ счастію обоихъ—отца и сына, въ то время въ городѣ Новохоперскѣ открылось приходское училище для дѣтей духовнаго званія, куда о. Лука и поспѣшилъ включить своего сына. Петръ Лукичъ при самомъ поступленіи въ это училище заявилъ себя богатыми умственными способностями благодаря которымъ, а также и хорошей подготовкѣ, подъ руководствомъ благоразумнаго отца своего, онъ послѣ экзамена, былъ принятъ прямо во второй классъ, минуя первый, и за отличныя способности свои получилъ прозваніе Понятовскаго, взамѣнъ своей родовой фамиліи. Эта новая фамилія осталась за нимъ навсегда. Превосходя всѣхъ

своихъ товарищей какъ успѣхами въ наукахъ, такъ и умственными способностями, онъ былъ первымъ изъ всѣхъ учениковъ Новохоперскаго училища чтецомъ и пѣвцомъ въ городскомъ соборѣ, гдѣ протоіереемъ былъ смотритель училища. „Помню, говоритъ объ этомъ самъ покойный о. архимандритъ, мое ребяческое честолюбіе не мало тѣшилось, когда бывало, читая шестопсалміе среди церкви, или кафизмы, слышишь распросы окружающихъ меня: откуда этотъ мальчикъ и чей сынъ? Какъ прекрасно читаетъ да и какой голосъ“? Тою же способностію — читать громко, раздѣльно и внятно, онъ отличался и при устныхъ отвѣтахъ изъ уроковъ и въ семинаріи и въ академіи. Такъ между прочимъ, когда онъ былъ уже въ среднемъ отдѣленіи семинаріи и на публичномъ экзаменѣ отвѣчалъ по философіи, то преосвященный Епифаній, епископъ Воронежскій, присутствовавшій на семъ экзаменѣ, обратилъ на него вниманіе, и вслухъ всѣхъ спросилъ ректора: какъ фамилія этого ученика, и чей сынъ? И въ академіи Кіевской подобные вопросы предлагали о немъ: въ первый разъ Митрополитъ Евгеній, а въ другой преосвященный Афанасій, викарій Кіевскій, впослѣдствіи Нижегородскій епископъ, а потомъ Тобольскій архіепископъ. Но и при такихъ счастливыхъ дарованіяхъ Петръ Лукичъ едва не остался при одномъ, такъ сказать, элементарномъ образованіи, полученномъ имъ въ Новохоперскомъ приходскомъ училищѣ. При переходѣ изъ сего училища въ Воронежское, онъ по порядку долженъ былъ прежде всего явиться къ ректору семинаріи и училища, тогда еще не раздѣленныхъ, архимандриту Меодію. Тотъ узнавъ, что ему уже семнадцатый годъ, никакъ не хотѣлъ принять его въ такомъ возрастѣ въ училище. И если бы въ ту пору не вступился за него

одинъ изъ наставниковъ семинаріи, нѣкто А. П. Лебедевъ, то ему невидать бы не только семинаріи и академіи, но и уѣзднаго училища. Въ виду усиленной просьбы мальчика о принятіи въ училище и отказа въ этомъ со стороны ректора, этотъ профессоръ говоритъ ректору: „Ломоносовъ, ваше высокопреподобіе, еще старше поступилъ въ училище, и при томъ не въ третій класъ, а въ первый: и не смотря на это вышелъ, какъ извѣстно, великій ученый мужъ. Можетъ быть и изъ сего мальчугана выйдетъ, если не Ломоносовъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое подобіе Ломоносова. А этого довольно для Церкви и отечества, которымъ нужны просвѣщенные люди“. Ректоръ послушался уважаемаго имъ Алексея Петровича, и Понятовскій былъ принятъ въ училище. Впослѣдствіи Петру Лукичу пришлось учиться у сего добраго наставника въ низшемъ отдѣленіи Воронежской семинаріи, и за свои отличные успѣхи и поведеніе пользоваться особеннымъ его расположеніемъ. Съ равно отличными же успѣхами онъ учился въ семинаріи въ продолженіе всего времени. Впрочемъ окончить въ ней полного курса ему не пришлось: онъ былъ посланъ въ академію прямо изъ средняго отдѣленія въ числѣ пяти студентовъ, окончившихъ семинарскій курсъ. При этомъ какъ ректоръ, такъ и инспекторъ семинаріи не только находили его достойнымъ сего назначенія, но и признавали даже благонадежнѣе прочихъ. И Петръ Лукичъ оправдалъ ихъ мнѣніе самымъ лучшимъ образомъ. Будучи принятъ, безъ всякаго стѣсненія, въ Кіевскую академію, въ составъ III курса, онъ, по прошествіи первой трети поставленъ былъ въ разрядномъ спискѣ пятымъ студентомъ. Подъ этимъ же номеромъ и окончилъ онъ курсъ въ академіи. Удостоенный ученой степени Маги-

стра, онъ былъ опредѣленъ въ Нижегородскую семинарію на должность профессора словесности и Французскаго языка. Какъ проходилъ Петръ Лукичъ указанное ему поприще, чѣмъ отличена учебная его дѣятельность при Нижегородской семинаріи, лучшимъ отзывомъ объ этомъ можетъ служить его послужной списокъ, который свидѣтельствуютъ, что онъ сряду тридцать лѣтъ съ неизмѣнною преданностію дѣлу трудился на семъ поприщѣ: сперва профессоромъ съ 1828 по 1842, потомъ инспекторомъ 1842—1849, а наконецъ и ректоромъ 1849—1858, и за трудъ сей, не разъ признаваемый благоплоднымъ и полезнымъ, удостоивался получать отъ высшаго Начальства разныя отличія и награды. Правда, конецъ ректорства покойнаго былъ несчастливый: онъ долженъ былъ оставить эту должность противъ своего желанія, но это произошло не отъ его вины, а по стеченію различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ говорить было бы неудобно.

Однакожь и по выходѣ изъ семинаріи о. Паисій оставилъ по себѣ добрую память, какъ честный труженикъ, лучший наставникъ и хорошій начальникъ. Память эта жива и по сію пору въ бывшихъ ученикахъ и сослуживцахъ его, о чемъ свидѣтельствуютъ почтительныя письма къ нему и лестные отзывы о немъ лучшихъ людей, занимающихъ нынѣ почетныя мѣста въ ученomъ мѣрѣ, каковы напр: епископъ Нижегородскій Макарій, ректоръ Кіевской академіи, преосвященный Михаилъ, ректоръ Казанской академіи Владимірскій и профессора той же академіи: В. А. Снѣгиревъ и П. В. Знаменскій. Кромѣ того мы знаемъ, что всѣ архіереи Нижегородскіе, при которыхъ служилъ о. Паисій, всегда имѣли его на осо-

бенномъ отличномъ счету, и оказывали къ нему видимое расположеніе.

Покойный о. архимандритъ, до поступленія въ монашество, былъ человѣкомъ семейнымъ: имѣлъ жену и дѣтей. Четырнадцать лѣтъ приведенныхъ имъ въ этомъ состояніи были самою лучшею порою въ его жизни, такъ что онъ могъ называть себя въ это время не только счастливымъ, но и блаженнымъ, какъ мужъ жены доблей, по выраженію Соломона, которая была украшена всеми прекрасными качествами ума и сердца. По его собственному изображенію, она была благовоспитанна и разумна, скромна и цѣломудренна; отличалась благородствомъ характера, привѣтливостью ко всемъ, попечительностію о благѣ семейства и горячею любовію къ мужу и дѣтямъ своимъ, а не менѣе того была строгою блюстительницею уставовъ Св. Церкви. Конечно, такой жены не могъ не любить мужъ ея: и о. Паисій любилъ ее самою нѣжною любовію. Отъ того кончина ея была столь горестна для него, что онъ едва перенесъ ее; тѣмъ болѣе, что она оставила ему на попеченіе пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, которыя, при его служебныхъ обязанностяхъ, составляли для него весьма тягостное бремя. Хотя послѣ того ему представлялось много случаевъ вступить во второй бракъ, но онъ не могъ рѣшиться на это, съ одной стороны опасаясь чрезъэто подвергнуть дѣтей своихъ худшей участи, а съ другой изъ уваженія къ памяти первой жены, которой не надѣялся найти равной въ цѣломъ мірѣ. Вслѣдствіе сихъ соображеній предпочелъ навсегда остаться въ безбрачномъ состояніи, избравъ для того иноческій образъ. Такимъ образомъ, вступивъ въ монашество въ 1847 году, и вслѣдъ за тѣмъ удостоенный священнаго сана, онъ

въ 1851 году возведенъ былъ въ званіе игумена, а въ слѣдующемъ 1852 г. произведенъ въ архимандриты. Вмѣстѣ съ тѣмъ разновременно до 1858 г. управлялъ монастырями: Оранскимъ Богородицкимъ, и Благовѣщенскимъ въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ. Отсюда, по видимому, представлялся для него прямой и надежный путь къ достиженію высшаго сана; но мняйся стояти, по преимуществу близокъ бываетъ къ паденію. Тоже, къ несчастію, случилось и съ о. Паисіемъ. Съ устраненіемъ отъ должности ректора, какъ о томъ было сказано выше, онъ менѣе чѣмъ чрезъ годъ опредѣленъ былъ настоятелемъ Густынскаго монастыря, занимающаго пустынное положеніе въ лѣсу среди болотъ и озеръ въ Прилукскомъ уѣздѣ. Здѣсь въ удаленіи отъ мирской суеты, ровно чрезъ двадцать лѣтъ, ему суждено покончить земной путь.

Монастырь Густынскій, основанный въ 1600 году, во времена гетманства и послѣ находился въ цвѣтущемъ состояніи, и былъ богатѣйшимъ изъ всѣхъ монастырей Полтавскихъ; но спустя много лѣтъ, ко времени опредѣленія туда о. Паисія, онъ былъ чутьли не бѣднѣе всѣхъ монастырей не только въ Малороссіи, но и въ цѣлой Россіи. Въ это именно время онъ находился въ полуразрушенномъ состояніи, и былъ почти безъ братіи и въ крайнемъ запустѣніи. Изъ этого одного можно заключить, какое непріятное впечатленіе долженъ былъ произвести видъ сего монастыря на новаго настоятеля. И въ самомъ дѣлѣ, когда о. Паисій подъѣзжалъ къ нему въ первый разъ, то почувствовалъ скорбь чуть не равную той, какую испыталъ онъ при разлукѣ съ дѣтьми своими и съ дорогою могилою матери ихъ, когда покидалъ Нижній. А сія скорбь равнялась вдовству его. Подъ влія-

ніемъ столь тягостныхъ чувствъ, онъ помышлялъ даже оставаться здѣсь на самое короткое время, и потомъ проситься куда либо въ другой монастырь не столько бѣдный. Между тѣмъ, вступивъ въ управленіе симъ монастыремъ, онъ принялъ близко къ своему сердцу всѣ его нужды и съ первой поры сталъ обдумывать средства къ его исправленію. Первоначально мысль его остановилась на одной очень древней и совершенно заброшенной церкви, которую считалъ онъ нужнымъ возобновить прежде всего, и съ тѣмъ вмѣстѣ устроить въ ней особый придѣлъ въ честь св. Дмитрія, Митрополита Ростовскаго, изъ уваженія къ тому событію, что въ сей церкви этотъ знаменитый Святитель рукоположенъ во Іеромонаха Лазаремъ Барановичемъ, Архіепископомъ Черниговскимъ, и здѣсь нерѣдко проповѣдывалъ, поучая братію. Какъ то, такъ и другое совершилъ онъ въ первый же годъ по своемъ поступленіи въ Густыню, и при томъ безъ всякихъ наличныхъ средствъ единственно при содѣйствіи христолюбивыхъ благотворителей, которыхъ съумѣлъ расположить къ тому убѣдительнымъ словомъ и привѣтливимъ обхожденіемъ. Такой неожиданный успѣхъ въ начатомъ дѣлѣ совершенно измѣнилъ его образъ мыслей въ расужденіи пребыванія въ семъ монастырѣ и расположилъ къ дальнѣйшему совершенствованію онаго. Такимъ образомъ, мало по малу возобновляя старое, воздвигая новое, при чемъ нерѣдко работая самъ и побуждая къ тому братію, онъ въ послѣдствіи имѣлъ утѣшеніе видѣть монастырь свой столь благоустроеннымъ, что по внѣшнему виду онъ неуступалъ ни одному монастырю Полтавской епархіи. Послѣ сего о. Паисій не желалъ уже промѣнять его ни на какой другой, хотя бы тотъ былъ Ставропигіальный и во сто кратъ

его богаче. А высшее Начальство, въ виду быстрой и вовсе непредвидѣнной перемѣны, произшедшей въ Густынскомъ монастырѣ, по достоинству оцѣнило благотворную дѣятельность настоятеля онаго, такъ что о. Паисій въ короткое время удостоился получить два ордена. Самый же монастырь, обязанный ему своимъ возобновленіемъ, украшеніемъ и введеніемъ новыхъ лучшихъ порядковъ, едвали когда забудетъ сего добраго, любимагои всѣми уважаемаго своего начальника.

Покойный о. Паисій, имѣлъ отъ природы добрую душу, нѣжно-любящее сердце и характеръ, отличающійся необыкновенною простотою. Отъ того для всѣхъ одинаково онъ былъ доступенъ, со всѣми откровененъ, ласковъ, обходителенъ. Чтобы подмѣтить въ немъ эти качества, не требовалось долгаго наблюденія; для этого достаточно было первой встрѣчи, или одного случая видѣться съ нимъ, поговорить, побесѣдовать. Какъ христіанинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ твердую вѣру и глубокую преданность волѣ Божіей. Разныя невзгоды жизни, тяжскія скорби и лишенія, испытанныя имъ въ теченіе долголѣтней жизни, онъ переносилъ великодушно, безъ ропота и, первѣе всего, въ сознаніи своей виновности предъ Богомъ. А когда случалось ему терпѣть оскорбленія отъ другихъ, онъ не помнилъ зла, прощалъ, такъ сказать, не дожидаясь захожденія солнца и въ духѣ Евангельской заповѣди молилъ за враговъ своихъ какъ истинный послѣдователь Христовъ. Какъ монахъ по призванію, а не по расчетамъ вступившій въ это званіе, онъ до конца жизни пребылъ вѣренъ иноческимъ обѣтамъ, соблюдая строгую умѣренность, чуждаясь роскоши и вовсе не заботясь о стяжаніи. Все достояніе свое, какое оставалось у него

за удовлетвореніемъ собственныхъ нуждъ, онъ употреблялъ на вспомошествованіе своимъ престарѣлымъ родителямъ, пока они были живы, и на поминъ ихъ, когда умерли. Но болѣе всего отдавалъ онъ, по примѣру благочестивыхъ людей, на бѣдныхъ и нуждающихся въ его помощи какъ родственниковъ, такъ и чужихъ, помогая не тѣмъ только, которые просили его о помощи, но нерѣдко и тѣмъ, кои почти не знали его и вовсе не рассчитывали на его пособіе. Благотворительность храмамъ на его родинѣ была также любимымъ его дѣломъ. Особенно богато надѣлена имъ церковь, при которой погребены его родители. Вслѣдствіи такой широкой благотворительности у него по смерти осталось самое незначительное имущество, относящееся къ предметамъ первой необходимости, и все оно, согласно съ его послѣдней волей поступило въ пользу монастыря, давашаго ему послѣдній приютъ въ жизни, и посмерти.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, почившій о. Архимандритъ Паисій, и такова жизнь его, насколько мы ее знаемъ. Не знаменитъ онъ, какъ видно, мірскою славою: но онъ и не искалъ ее. Спасеніе души, какъ единое на потребу, составляло для него постоянную заботу. Сего единственнаго незамѣнимаго блага онъ, такъ сказать, алкалъ и жаждалъ всю жизнь свою, и по любви своей къ ближнему, желалъ онаго не себѣ только, но и другимъ. Кто близко, или покрайнеймѣрѣ не менѣе нашего, знаетъ покойнаго, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ одинаковаго съ нами мнѣнія въ разсужденіи личныхъ качествъ сего добродѣтельнаго старца, и, вѣроятно, со времени мирной кончины его не разъ уже произнесъ ему отъ глубины сердца: вѣчная память. Скажемъ тоже ему и мы въ заключеніе нашего очерка.

Священникъ Г. Антоновъ.